

В первую ночь нового года Бянь Хун так и пролежал в полудрёме под негромкое сопение уснувших рядом детей и под шорох шагов мужчины, который то и дело на цыпочках ходил из комнаты во двор и обратно.

Заснуть всё равно не получалось. После сегодняшнего дня исполнилось ровно восемь лет с тех пор, как он оказался в этом мире. Изломанный ветрами и морозами, он всё же упрямо продолжал жить. В праздник Нового года он был одинок в этом мире, и всё же, обнимая двоих детей, наконец-то имел семью и своё маленькое воссоединение.

Через некоторое время мужчина, окончательно придя в себя после холодной воды, осторожно прикрыл дверь и вошёл. Боясь, что трое на лежанке замёрзнут, он подбросил в печь несколько толстых поленьев; огонь разгорелся ярче. Только после этого он растёр остывшие ладони и собрался лечь спать.

Но едва он потянулся к одеялу, как заметил: с другой стороны кана юный ланьцзюнь не спал, а полусидел. Мужчина почувствовал себя неловко, тихо кашлянул и, совершенно не к месту, спросил:

— Проснулся? Воды хочешь?

Бянь Хун посмотрел на него, приоткрыл рот и всё же решил дать ему возможность сохранить достоинство. Он слегка кивнул. Жун Фэн словно получил помилование. Он тут же развернулся, ловко снял с очага ещё тёплый чайник, налил Бянь Хуну воды и подал чашу.

Лишь дождавшись, пока тот допьёт, Жун Фэн поставил чашу на место, и только после этого вернулся ложиться.

Бянь Хун посмотрел на приподнятое одеяло и на ту сторону, где, кажется, было прохладнее. Юаньдин, ворочаясь во сне, инстинктивно съёжился и подвинулся внутрь, и тогда Бянь Хун всё-таки заговорил:

— Подожди, давай поменяемся местами.

С этими словами он по очереди придвинул детей ближе к изголовью, затем взял свой тюфяк и положил его между детьми и Жун Фэном. Сам он лёг боком, спиной к мужчине, прикрывая их своим худым телом.

— Вот так. Спи.

Жун Фэн смотрел на открытую из-под одеяла полоску белоснежной шеи юного ланьцзюня, на его тонкие плечи и изогнутую линию талии; напряжённые очертания тела сходились в области поясницы и бёдер, образуя плавную, красивую дугу...

У него тут же пересохло в горле, а в носу защекотало.

Заметив, что мужчина долго не двигается, Бянь Хун обернулся и взглянул на него:

— Ложись уже. Завтра ведь надо спускаться в деревню с новогодними визитами.

Он не успел договорить, как, повернув голову, в мягком свете печного огня увидел Жун Фэна, сидящего у края лежанки и не лежащего, с лицом, залитым кровью. Тело Бянь Хуна мгновенно напряглось, сердце едва не выскочило из груди. Он отчётливо понял: увидев Жун Фэна с окровавленным лицом, он испугался до предела.

— Что с тобой?!

Бянь Хун, пошатываясь, вскочил с лежанки и, не находя себе места, заметался по комнате в поисках лекарств.

— Да... да-да, у меня же есть лекарство, твой учитель мне дал...

Словно ухватившись за спасительную соломинку, он дрожащими руками вытащил нефритовый флакон и бросился к Жун Фэну, собираясь тут же влить содержимое ему в рот.

Жун Фэн поначалу не понял, что происходит, но, увидев, в каком он потерянном, почти безумном состоянии, поспешно обнял его, опасаясь, что тот в панике поранится.

— Я? Со мной всё в порядке. Не паникуй, не паникуй... Дыши, Бянь Хун, дыши.

Зажатый в его объятиях, Бянь Хун ощутил жар живого тела и сильные, гулкие удары сердца, и только тогда разжал стиснутые зубы, вспомнив, что вообще-то нужно дышать. Он так и остался, прислонённый к груди Жун Фэна, стараясь выровнять дыхание.

Травма войны всё ещё жила в его теле и в сознании, оставив следы, которые невозможно стереть сразу. Им требовалось время, чтобы поблекнуть, и тепло, чтобы перекрыть их заботой и любовью.

Наконец, немного придя в себя, Бянь Хун поднял голову, вырвался из объятий и протянул руку к лицу мужчины.

— Но... почему у тебя всё лицо в крови?!

Жун Фэн растерянно выдохнул:

— А?

Только тогда он сам провёл рукой по лицу. При свете оранжевого пламени печи стало видно: тыльная сторона ладони была вся в крови. Он коснулся щёк, и пальцы тоже окрасились алым. Тогда до него наконец дошло. Он схватил небольшой кусок ткани, заткнул им нос и, повернувшись, глухо, сквозь ткань, принялся объяснять всё ещё заметно перепуганному юноше:

— Это кровь из носа... наверное. Э-э... может, воздух слишком сухой.

Он ведь всего лишь почувствовал зуд в носу и решил, что это из-за того, что он бегал туда-сюда между домом и улицей, обливаясь холодной водой, вот и потекли сопли. Не придал значения, машинально провёл рукой, а в итоге размазал кровь по всему лицу и напугал юного ланьцзюня до полусмерти.

Бянь Хун и без того был похож на вспугнутую птицу: к виду крови он относился слишком остро. Жун Фэну стало неловко и стыдно.

А Бянь Хун уже прекрасно понял, в чём дело. Выравнивая дыхание, он злился всё сильнее: во всем виноваты эти проклятые свитки! Учить ученика подобной мерзости, да его учитель и сам, видно, не такой уж праведник!

А тем временем далеко отсюда, в самом центре военного лагеря, в шатре Великого наставника, тот самый неопрятный мужчина средних лет держал лампу над плечом своего младшего брата-соученика, который писал доклад императору. Вдруг он ни с того ни с сего чихнул. Рука дрогнула, мутное масло пролилось на бумагу, и свиток, исписанный лишь наполовину, оказался испорчен.

Худощавый наставник остановился, плотнее запахнул лисью шубу и, скосив глаза, посмотрел на старшего брата:

— Ты вообще помогать пришёл или мешать?

Учитель Жун Фэна почесал нос и буркнул:

— Наверное, это мой ученик по мне соскучился.

А между тем здесь, по эту сторону, его ученик всё ещё барахтался в настоящем аду.

У потрескивающего очага, где с тихим треском горели поленья, Бянь Хун и Жун Фэн наконец заговорили друг с другом.

— ...

— ...

Выслушав Бянь Хуна, Жун Фэн наклонил голову набок и искренне удивился:

— А при чём тут мои книги и кровь из носа?

Бянь Хун смерил его взглядом:

— Да при том! Начитаешься такого, черви в голове в голову ударят, вот и прорвало.

Они оба мужчины, и объяснять, какие именно «черви в голове» тут замешаны, Бянь Хун счёл ниже своего достоинства.

— У меня не из-за книг носом кровь пошла, — упрямо возразил Жун Фэн.

— ...

— Я...

Слова уже были на языке, но Жун Фэн проглотил их обратно. Инстинкт подсказывал: скажи он лишнее, выйдет себе же дороже.

Так, перебрасываясь колкостями, они постепенно успокоились. Бянь Хуну стало заметно легче, теперь он был занят исключительно тем, чтобы распекать Жун Фэна за его «проклятые свитки».

И как бы тихо они ни говорили, в постели всё-таки заворочался Юаньдин. Сонно протерев глаза, он посмотрел на брата Си и старшего брата, которые сидели у постели и не ложились, недовольно хмыкнул. Бянь Хун почему-то напрягся: такие разговоры детям слышать ни к чему. Если Юаньдин вдруг спросит, что это за книги, придётся на ходу выдумывать какую-нибудь чепуху.

Однако Юаньдин, окончательно не проснувшись, ничего лишнего не спросил. В одной рубашке он немного выполз из-под одеяла, скорчил страдальческую мину и с крайним унынием пожаловался Бянь Хуну:

— Брат Си, Гуаньбао опять обмочил постель...

И им двоим пришлось в спешке менять подстилки и развешивать одеяла сушиться.

Новый год - новый настрой, новый «маршрут». В первый день Нового года, после завтрака, все четверо с самого утра отправились поздравлять соседей. Детям это было привычно, а вот для Жун Фэна всё происходящее казалось необычным и даже свежим. В его жизни с матерью обычая ходить с новогодними поздравлениями никогда не было. Возможно, мать и хотела водить маленького Жун Фэна по домам, навещать родню и знакомых...

Да только идти было некуда.

Теперь же Бянь Хун приготовил подарки, как следует одел Юаньдина и Гуаньбао, надел на них шапки и повёл всех из дома. Снег на горной тропе всё ещё лежал толстым слоем. Юаньдин ещё кое-как мог идти сам, а вот Гуаньбао и вовсе увяз по пояс, не то что шаг сделать, даже дорогу разглядеть было трудно. Поэтому Жун Фэн, как и прежде, подхватил обоих детей на руки и, следуя за Бянь Хуном, направился в сторону родового храма женщин цзышу-ньюй.

В этом году, поскольку мать Жун Фэна недавно скончалась, ни он сам, ни Бянь Хун не надевали ничего яркого. Женщины в храме тоже были не такими, как в прежние годы: никакого красного, никакого праздничного убранства, все в простой, скромной одежде. У ворот не висели парные новогодние надписи, во дворе не было ни единого алого пятна. Как и у Жун Фэна, их Новый год ничем не отличался от обычного дня.

Увидев Жун Фэна и Бянь Хуна, цзышу-ньюй встретили их по-родственному тепло, а к детям и вовсе отнеслись с особой лаской. Благодаря тому, что Жун Фэн время от времени помогал, а сами женщины были трудолюбивы и бережливы, жить при храме в последнее время стало полегче: им уже не приходилось питаться одними пшеничными отрубями. К тому же они были искусными мастерицами - наготовили разных фигурок из теста и маленьких сладостей, приготовили все это на пару и щедро нагрузили Юаньдина с Гуаньбао гостинцами.

Двое детей, укутанные так, что напоминали круглые шарики, чинно и почтительно поклонились старшим, поздравляя с Новым годом. Старушки смеялись так, что не могли сомкнуть губ, и во что бы то ни стало решили вручить им красные конверты с деньгами.

Бянь Хун попытался отказаться, но старшая бабушка лишь улыбнулась и сказала:

— Да это всего лишь несколько медных монет в красной бумаге. Возьмите, для радости, на счастье.

Тогда дети, сияя улыбками, всё-таки приняли красные конверты. Гуаньбао даже с дробным топотом подбежал вперёд, затряс торчащими на голове заячьими ушками, выпятил попку и чмокнул старшую бабушку в щёку. Брат Си любил, когда его так целовали, и потому Гуаньбао был совершенно уверен в своей правоте. Остальные женщины, увидев это, тоже стали заигрывать с детьми. Даже застенчивого Юаньдина подхватили на руки и расцеловали несколько раз подряд.

После того как они совершили поминальный обряд по матери Жун Фэна, старшая бабушка хотела оставить их в храме и пообедать, и даже заночевать: места как раз хватало. Но Жун Фэн

отказался:

— Пока светло, нам ещё нужно успеть в деревню Наньци.

И четверо снова отправились в путь.

Едва они приблизились к деревне Наньци, как издалека донёлся необычайно шумный гул. Юаньдин, уцепившись за руку Жун Фэна, забрался ему на плечо, прикрыл ладонью глаза от яркого солнца и, приглядевшись вдаль, возбуждённо затараторил Бянь Хуну:

— Брат Си! У входа в деревню, кажется, сцену соорудили! Вон, столько людей, флаги таскают!

Бянь Хун, услышав это, почувствовал любопытство. Такие большие представления устраивали обычно по праздникам: вся деревня скидывалась деньгами, приглашала труппу, чтобы хоть немного порадовать себя после года тяжёлого крестьянского труда. Но сам он видел подобное лишь издалека.

Тогда он только-только оказался в этом мире и только что пережил землетрясение. Сердце его было переполнено тоской по прежней жизни, и он целыми днями сидел, словно одеревенев, в доме у крестьян. Хозяева уговаривали его выйти посмотреть на представление, но у него не было ни малейшего желания. Он лишь мельком глянул издали и тут же вернулся обратно.

После этого деревня больше ни разу не приглашала актёров. А когда он вернулся из армии, не стало уже и самой деревни, о каких уж там спектаклях можно было говорить.

Когда они подошли поближе, из-за слишком приметной фигуры Жун Фэна один из деревенских, тот самый, что когда-то вместе с Минь Байгуем искал пропавших Юаньдина и Гуаньбао, узнал его с первого взгляда - хватило одного силуэта. Он тут же окликнул Минь Байгуя, который впереди как раз расстилал на помосте красные полотнища.

— Эй, лао-Минь! Твой племянник вернулся, да ещё и с мужем - пришли тебя навестить! Давай, встречай!

Минь Байгуй, услышав это, поспешно бросил работу, рассмеялся и побежал навстречу гостям. Он выглядел лучше, чем прежде: лицо чуть округлилось, в глазах появился живой блеск. Видно, сказывалось то, что теперь удавалось есть досыта, да и жена время от времени, бережно отрезав маленький кусочек мяса, тайком варила похлёбку, чтобы подкормить семью, добавить хоть немного жирка в скудную пищу.

Минь Байгуй радушно зазвал всех четверых к себе в дом, но они пробыли там недолго и вскоре, под детский гомон и нетерпение, снова вышли смотреть представление.

Спектакль начался. Он был далёк от совершенства: костюмы залатаны так, что заплатки

нашиты слоями, словно пережили не одно десятилетие. Но деревенские смотрели с неподдельным удовольствием, то и дело выкрикивали одобрение. Казалось, даже затянув потуже пояса, они всё равно готовы были прийти ради этой единственной пьесы, чтобы хоть на миг залечить душевные раны.

На сцене воин в боевом гриме держал в руках большой меч. Он пел, обливаясь потом; грим расплылся, краска на лице смешалась.

«Обернёшься, а там Небесная держава,

бежать да спасаться впору,

не до верности и не до сыновнего долга».

«Ночь холодна и бесконечна,

вдали ущербная луна, тайком минуешь перевалы,

мчишься по пустошам и глухим дорогам».

«Лишь бы вырвать у судьбы остаток жизни!»

Внизу, в мерцающем свете, тени актёров скользили по лицу Бянь Хуна, непрерывно меняясь. Под протяжное «и-и-я-я» напева всё сливалось в суету, в спешку, в шум людского множества.

Он прищурился, и сквозь игру света и тени ему почудились прежние времена - бесконечные дни бегства и паники, словно его собственная жизнь незаметно наложилась на судьбу героя на сцене. Но в конце он поднял руки и, вместе со всеми вокруг, захлопал в ладоши, громко выкрикнув:

— Bravo!

<http://bllate.org/book/13502/1302140>